

Глава 2

Я? Сорвал луну с небес?

Е Чживэнь совершенно не ожидал, что внимание Те Хэнцю будет приковано именно к этому.

Он кашлянул, его взгляд скользнул за занавес, где на кровати лежал больной, и тут же почтительно опустил. «Ваше Превосходительство, вы обладаете несравненным талантом и божественной силой. Расправиться с так называемыми генералами демонов для вас было всё равно что подмести пол. Естественно, у вас оставалось время на любимые занятия».

Те Хэнцю всё ещё сомневался. Он попытался сосредоточиться на своём дантяне, но не почувствовал никаких изменений в своей силе — она была такой же, как и десять лет назад.

Он нахмурился и с недоумением спросил: «Но почему я не чувствую, что моя сила возросла?»

Е Чживэнь, казалось, ожидал этого вопроса и спокойно объяснил: «Ваше Превосходительство, ваша сила уже давно достигла предела. Чтобы прорваться на новый уровень, вы решили пойти на крайние меры: рассеять свою демоническую силу, оставив лишь зародыш души, и использовать эту возможность, чтобы достичь новых высот. Возможно, из-за столь смелого шага пострадала и ваша память, и вы забыли о событиях последних десяти лет».

«Вот как?» — Те Хэнцю почесал в затылке, всё ещё пребывая в растерянности.

Он опустил взгляд на свои руки, пытаясь что-то вспомнить, но в голове была лишь пустота, словно десять лет его жизни были безжалостно стёрты.

Видя это, Е Чживэнь продолжил: «Вашему Превосходительству не стоит слишком беспокоиться. Хотя ваше совершенствование временно рассеяно, основа осталась. Немного практики — и вы вернётесь на пик своей мощи. Что до памяти, она, вероятно, тоже постепенно восстановится».

Те Хэнцю кивнул. Хотя сомнения всё ещё терзали его, он не выказал недоверия.

Е Чживэнь слегка поклонился и тихо сказал: «Ваше Превосходительство, я должен кое-что доложить».

Те Хэнцю нахмурился: «Что такое?»

Е Чживэнь поднял глаза, его тон был осторожным: «Ваше Превосходительство, ваше совершенствование ещё не полностью восстановилось. Если вы сейчас займётесь делами Дворца Демонов, это может вызвать ненужные подозрения. Особенно со стороны генералов. На

словах они вам покорны, но на деле у каждого свои мысли. Если они узнают, что ваша сила ослабла, боюсь, у них могут возникнуть дурные намерения».

Услышав это, Те Хэнцю насторожился. «Точно, я слышал, что три великих генерала демонов — существа чудовища!»

Генерал Цзян Ваньшоу — пнёт любую собаку, что попадётся на пути!

Генерал Гу Сюаньмо — укусит любую собаку, что попадётся на пути!

А генерал Цзи Наньфэн — и вовсе изнасилует любую собаку, что попадётся на пути!

Из этих слухов, помимо того, что жизнь собак в Царстве Демонов была несладкой, становилось ясно, что три генерала — личности весьма суровые.

Те Хэнцю совершенно не был уверен, что сможет совладать с этими тремя грозами собак.

«По-твоему, мне пока не стоит показываться?» — тихо спросил он.

Е Чживэнь кивнул, его тон был твёрд: «Именно так. Ваше Превосходительство, сейчас вам больше всего нужен покой и сосредоточение на восстановлении сил. Что до дел во дворце, я могу временно взять их на себя и проследить, чтобы всё шло своим чередом. Если потребуется принять важное решение, я немедленно доложу вам и ни в коем случае не стану действовать самовольно».

Те Хэнцю посмотрел на Е Чживэня и кивнул: «Хорошо, тогда я на тебя рассчитываю».

Е Чживэнь поклонился: «Я сделаю всё возможное, чтобы обеспечить спокойствие во дворце».

Те Хэнцю обернулся, его взгляд сквозь лёгкий занавес устремился на смутный силуэт в спальне.

Е Чживэнь, заметив это, почтительно отступил на два шага: «С вашего позволения, я удалюсь».

Те Хэнцю кивнул.

Е Чживэнь бесшумно вышел, его фигура растворилась за дверью.

После его ухода в покоях стало ещё тише.

Те Хэнцю откинул занавес, вошёл в спальню и, остановившись у кровати, уставился на сомкнутые веки Юэ Бочжи.

Сто лет.

Целых сто лет его любовь к Юэ Бочжи не угасала.

Так долго, что он и сам этому удивлялся.

«Вы, возможно, не помните...» — кадык Те Хэнцю дёрнулся, его голос был таким тихим, словно он боялся спугнуть лунный свет с оконной рамы.

Он смотрел на узор плывущих облаков на одеянии Юэ Бочжи — тот был точно таким же, как и сто лет назад.

Тогда он только поступил в школу, был никем и годился лишь для чёрной работы, смешавшись с толпой учеников-чернорабочих.

Каждый день с первыми петухами он вставал и намеренно шёл подметать каменную тропу, по которой должен был пройти Юэ Бочжи.

Это была его единственная возможность приблизиться к нему, самый ожидаемый момент дня.

Каждый раз, когда Юэ Бочжи проходил мимо, он не смел и не мог поднять головы. Опустив взгляд, он лишь следил за тем, как белоснежный подол скользит по только что подметённой им дорожке.

Он втайне радовался, что убрал всё достаточно чисто, и этот белоснежный подол не испачкался.

Это было смиренное удовлетворение, скрытая радость.

Впрочем, Те Хэнцю недолго оставался учеником-чернорабочим.

Он быстро совершенствовался и через десять лет стал учеником-хранителем Павильона священных писаний.

Он помнил, что Юэ Бочжи иногда приходил туда по ночам, чтобы почитать.

И он каждую ночь заранее прятался за книжными полками, ожидая, что, возможно, увидит его спину.

Юэ Бочжи писал в павильоне и иногда оставлял после себя один-два листа с каллиграфией. Те Хэнцю тайком подбирал их, словно сокровище, и бережно спрятав за пазуху, уносил в свою комнату, чтобы тщательно копировать.

Те Хэнцю был простым мечником, откуда ему было знать об изящных искусствах?

Но, день за днём копируя его почерк, он научился писать таким же каллиграфическим стилем, как у Юэ Бочжи.

Благодаря этому он, словно по наитию, постиг несколько аспектов его искусства владения мечом.

Каждая черта, каждый штрих на тех листах содержали в себе суть приёмов, и он, сам того не осознавая, объединил каллиграфию и фехтование.

Его меч перестал быть грубым орудием для рубки, он стал подобен почерку Юэ Бочжи — изящным и лёгким, но скрывающим в себе остриё.

В день большого школьного турнира на ристалище ещё не рассеялся утренний иней.

Те Хэнцю стоял на помосте, сжимая рукоять меча, и, закрыв глаза, представил, как Юэ Бочжи водит кистью по бумаге.

В тот миг, когда меч из зелёного нефрита покинул ножны, он понял, что его заметят все...

Потому что он исполнит уникальную технику меча Юэ Бочжи!

Клинок двигался, словно кисть по бумаге, и в каждом выпаде и уклонении угадывалась сила и стать почерка Юэ Бочжи.

В последнем приёме остриё меча в воздухе начертило несколько призрачных образов, и одежды наблюдавших за поединком учеников затрепетали, хотя ветра не было.

Даже глава школы почувствовал необычайную силу этого удара и впервые по-настоящему обратил внимание на этого ученика внешней ступени.

Рядом зашептались: «В этом ударе меча чувствуется намерение техники Юэ-цзуня „Раскрытие буденов зимней сливы“, не так ли?»

«Может, Юэ-цзунь давал ему наставления?»

«Невозможно. Юэ-цзунь известен своей гордостью и никогда не брал учеников. Сколько знатных юношей и восходящих звёзд фехтования просили его преподавать им хотя бы один-два приёма, и всё тщетно, не говоря уже об этом простом ученике внешней ступени».

Один из личных учеников, происходивший из знатного рода, с крайним недовольством произнёс: «Что значит „в стиле Юэ-цзуня“? „Раскрытие бутонов зимней сливы“? По-моему, это больше похоже на то, как черепаха водой плюётся. Попытка нарисовать тигра обернулась созданием собаки!»

Глава школы же мягко улыбнулся: «Даже если и не тигр, то на кошку похоже. Для ученика внешней ступени достичь такого уровня — большая редкость».

Те Хэнцю, ещё до того как обнажить меч, предвидел эти разговоры.

Восхищение, одобрение, насмешки, презрение, враждебность...

Он всё это предвидел, и ему было всё равно.

Когда он закончил, рукоять меча была влажной от пота.

Единственное, что его волновало... был Юэ Бочжи.

Он надеялся хотя бы на один его взгляд, хотя бы на лёгкий кивок, и этого было бы достаточно, чтобы он был счастлив.

Однако, когда его взгляд скользнул по помосту для почётных гостей, он увидел, что Юэ Бочжи, склонив голову, о чём-то тихо беседует с главой Долины Короля лекарей.

Он даже краем глаза не взглянул на арену.

Горный ветер, круживший вокруг ристалища, осыпал Те Хэнцю опавшими листьями.

Юэ Бочжи... даже не посмотрел на него.

В его памяти Юэ Бочжи почти никогда не смотрел на него прямо.

Чаще всего Те Хэнцю видел лишь развевающийся подол его одежд, эту белоснежную ткань, что колыхалась, словно чистое, незапятнанное облако.

И ещё его длинные волосы, что в лучах заходящего солнца переливались тёмным золотом, — зрелище, от которого замирало сердце.

Но его глаза... они так и не удостоили Те Хэнцю своим вниманием, даже на одно мгновение.

Тем не менее, Те Хэнцю никогда не сдавался.

Он старался всё больше и больше, шаг за шагом поднимаясь вверх.

Каждый взмах меча, каждый прорыв — он втайне надеялся, что однажды Юэ Бочжи заметит его, пусть даже на краткий миг.

В день, когда он достиг стадии Золотого ядра, с небес обрушилась грозная скорбь такой мощи, какой не бывало у обычных учеников внешней ступени.

Это было настолько поразительно, что даже глава школы, ранее не обращавший на Те Хэнцю особого внимания, пришёл лично посмотреть.

Он подбодрил его и сказал: «Если он сможет успешно сформировать ядро, то станет моим личным учеником».

Эти слова повергли всех в шок.

Сделать ученика внешней ступени личным учеником главы школы — какая невыносимая честь!

Но Те Хэнцю было не до этого.

Молния, подобно дракону, пронзила его сердце. Терпя невыносимую боль, он всё же выделил частичку своего сознания, чтобы отыскать в толпе фигуру Юэ Бочжи.

Но его ждало разочарование.

Среди зрителей Юэ Бочжи не было.

Стиснув зубы, Те Хэнцю терпел муки грозной скорби и распространил своё духовное сознание ещё дальше, за пределы Пика Ста Чжанов, к Павильону, где слушают снег.

Сквозь оглушительный рёв грома он услышал равнодушный голос Юэ Бочжи, доносившийся из павильона: «Слишком ярко. Задерните шторы, я хочу спать».

Всё, абсолютно всё напоминало ему, что это чувство обречено остаться несбыточной мечтой.

А сегодня... сегодня...

Ему говорят, что он, проснувшись, сорвал луну с небес?

Те Хэнцю всё ещё казалось, что он спит. Он сел на край кровати.

Юэ Бочжи лежал здесь, его дыхание было ровным, он просто крепко спал, но для Те Хэнцю это была сцена, о которой он не смел и мечтать.

Слишком странно.

Его взгляд скользил по чертам лица Юэ Бочжи: брови, холодные, как далёкие горы; кожа, бледная, как иней; аромат, тонкий, как от зимней сливы...

Всё это когда-то было недостижимой мечтой, а теперь — так близко.

На расстоянии вытянутой руки.

Те Хэнцю знал, что не должен его трогать.

Но когда человек, о котором ты мечтал сто лет, лежит прямо перед тобой, это всё равно что панда, повернувшаяся к тебе своим пушистым, как рисовый шарик, задом.

Он был мечником, а не монахом, как тут можно было удержаться и не потрогать?

Его тело действовало быстрее разума, и вот уже его рука тянулась к виску Юэ Бочжи.

В тот миг, когда кончики его пальцев почти коснулись его, глаза Юэ Бочжи резко распахнулись, сверкнув ледяным холодом.

Сердце Те Хэнцю пропустило удар, его рука застыла в воздухе. «Ох, чёрт, теперь точно не объяснишься».

Тем не менее, он, собравшись с духом, выдавил из себя улыбку: «Юэ-цзунь, вы проснулись?»

Юэ Бочжи холодно взглянул на него: «Я недостойн этого обращения».

С этими словами он попытался сесть.

Те Хэнцю хотел помочь, но тот его отверг.

Юэ Бочжи опёрся на руки и поднялся. Движения его были немного затруднёнными, но он по-прежнему сохранял свою холодную гордость.

Сев прямо, он с опаской посмотрел на Те Хэнцю.

Тот с искренним видом взглянул на него и торопливо сказал: «Я потерял память... Поверь мне!»

Юэ Бочжи холодно посмотрел на него, и уголки его губ скривились в насмешливой усмешке: «Я должен тебе верить?»

Видя это, Те Хэнцю тут же поднял руки, изображая невинность: «Если не веришь, я сейчас же тебя отпущу!»

Юэ Бочжи холодно хмыкнул, его взгляд по-прежнему был полон недоверия: «Хм, притворство!»

Те Хэнцю не выдержал и, выпятив грудь, развёл руки в стороны: «Тогда ударь меня! Ударь! Я виноват перед тобой, так ударь меня, я и не отвечу!»

Юэ Бочжи оставался невозмутим и холодно бросил: «Жалкая уловка».

Те Хэнцю от этих слов потерял дар речи.

Он не хотел видеть Юэ Бочжи таким и с серьёзным видом произнёс: «Я действительно тебя отпущу, клянусь!»

С этими словами он повернулся к двери и крикнул: «Е Чживэнь, войди!»

Е Чживэнь тут же вошёл и почтительно встал рядом.

Те Хэнцю махнул рукой и решительно сказал: «Отведи Юэ-цзуня на Пик Ста Чжанов, и проследи, чтобы он был в целости и сохранности».

Услышав это, Юэ Бочжи бросил на него взгляд, холодный, как арктический лёд.

Е Чживэнь, стоявший рядом, выглядел так, будто вот-вот упадёт на колени и взмолится: «Убейте меня!»

<http://bllate.org/book/16975/1580607>